

VI ежегодная проблемно-методологическая конференция

ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ ВОСТОКА: ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА И ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Москва, 24–26 октября 2016 г.

Организатор — Отдел памятников письменности народов Востока
Института востоковедения РАН

Тезисы докладов

АНТОНОВА Ирина Сергеевна

Каба — поэтический эпос народа минангкабау (Индонезия)

Поэтический эпос *каба* — вид литературы минангкабау, одного из крупных народов Индонезии, чья исконная этническая территория находится на западе острова Суматра. *Каба* написаны ритмической прозой и поэтому по форме близки к песням или *пантунам*. В *каба* включены *пантуны*, которые разделяют одну законченную мысль (или сюжетный ход) от другой. Сюжетно *каба* нельзя отнести к какому-то определённом жанру, поскольку в них присутствуют элементы сказки, мифа и истории, встречаются вкрапления из индуистской, ближневосточной и яванской литературы. Однако сюжет *каба* всегда оригинален и демонстрирует широту минангкабауской фантазии.

Индонезийский исследователь Эдвар Джемарис в своей книге «Введение в фольклор народа минангкабау» (*Pengantar Sastra Rakyat Minangkabau*), делит *каба* на «старые» (классические) и «новые» (неклассические).

В «старых» *каба* основные мотивы — захват власти, конфликт, в который вовлечены две стороны, проигравшая сторона состоит в родстве с победителями. Все действия, описываемые в таких *каба*, расцениваются слушателями как быль.

«Новые» *каба* повествуют о жизни обычных людей, об их переживаниях, чувствах и проблемах. В отличие от классических *каба*, существуют преимущественно в письменной форме.

Устное исполнение *каба* по сей день пользуется популярностью. За повествование отвечает *туканг беркаба* — человек, который ведёт повествование под аккомпанемент традиционных музыкальных инструментов. В устном исполнении *каба* представляет собой ритмизированную прозу. Читается *каба* нараспев, с помощью интонации и множественных повторений исполнитель сохраняет ритм и рифму.

В докладе анализируются сюжеты двух произведений, относящихся к указанным двум типам *каба*: «Чиндуо Мато» и «Сити Нуриах и Сутан Амируддин», а также проводится анализ текста *каба* «Чиндуо Мато» на основе работы «Морфология сказки» В. Проппа.

АТМАНОВА Юлия Георгиевна

**К вопросу о генезисе
и функциональном предназначении вербального текста
в могольском изобразительном панегирике**

В докладе речь пойдёт о могольском монаршем портрете XVII в., точнее, о его особой жанровой разновидности — аллегорическом портрете. Своим возникновением аллегорический портрет обязан падишаху Джахангиру (1605–1627), его незаурядному подходу в сфере живописания. Специфика могольского аллегорического портрета заключалась в том, что он довольно часто сопровождался вербальным текстом: поэтическими и прозаическими строками панегирической направленности, а также информативными надписями (сообщающими, например, повод создания миниатюры). Текст размещался либо в обрамляющих миниатюру картушах, либо непосредственно в самом живописном пространстве. В одних случаях поэтические строки сочинялись к уже написанному живописному панегирику, в других — побуждали к его созданию. В пределах художественно-оформленного листа вербальный и изобразительный панегирики, как правило, удачно дополняли и усиливали друг друга, усложняя торжественную риторику и обогащая помпезный стиль аллегорического портрета.

С позиций современной науки (семиотики, теории коммуникации, лингвистики текста) могольский аллегорический портрет можно рассматривать как семиотически сложный (изовербальный) текст, в котором изобразительный и вербальный компоненты образуют единую сложно организованную знаковую структуру. Процесс взаимодействия двух неоднородных знаковых систем предусматривал различные виды

корреляции: взаимодополнения, взаимосвязи и взаимовлияния. В одних случаях вербальный текст мог акцентировать внимание на ключевой идее живописного панегирика. В других — мог дублировать поэтическим слогом мотивику и топику изобразительного текста, «активизируя» семантику иконического компонента. В третьих — мог пояснять смысл отдельных символов-образов, выполняя функцию комментария. Наконец, вербальный текст мог вовсе не иметь прямого отношения к изобразительному компоненту, выстраивая семантические связи на ассоциативной основе. Различные по своей семиотической природе тексты, представляющие разные перцептивные модальности, но образующие единое смысловое и визуальное целое, были рассчитаны на глубокое, комплексное воздействие.

БАЕВА Анна Андреевна

**Художественный перевод как интерпретация
(на материале средств художественной выразительности
Манъёсю)**

Общеизвестен тот факт, что многие средства художественной выразительности японской поэзии, начиная с периода древности, не находят аналогий в западной литературе и считаются уникальной особенностью литературы Японии, как то: *макура-котоба*, *дзё-котоба*, *какэ-котоба*, в то же время являясь ярким рефлексом культуры и истории через призму языка. При этом представляется весьма трудным дать определение таким явлениям, как *макура-котоба* или *какэ-котоба*. Среди специалистов нет единого мнения о том, что такое, например, *макура-котоба*. Традиционным подходом для российского японоведения является определение *макура-котоба* как «постоянный эпитет». Однако при детальном анализе можно увидеть, что такое явление, как *макура-котоба* более многозначно и не ограничивается постоянным эпитетом. Именно анализу определений *макура-котоба*, *дзё-котоба*, *какэ-котоба* и посвящён данный доклад.

Чтобы увидеть интерпретацию языковых значений, необходимы глоссирование и морфологический анализ выражений, являющихся, с литературной точки зрения, средствами художественной выразительности, для чего использованы лингвистические переводы *Манъёсю* А. Вовина. Основным источником исследования является японская антология VIII в. *Манъёсю*, перевод антологии на английский язык, выполненный Э. Крэнстоном, а также А. Вовиным, и перевод на русский язык А.Е. Глускиной.

БАЯЛИЕВА Елена Федоровна

О кодексах династии Юань

Период правления в Китае монгольской династии Юань стал знаковым моментом в правовой истории страны — впервые в истории законодательство Китая подверглось иноземному влиянию, и этот факт нашёл свое отражение в важнейших государственных документах, прежде всего в кодексах.

Рассмотрим процесс появления кодексов в хронологическом порядке.

В период покорения Китая монголами в стране действовал разработанный ещё при чжурчженской династии Цзинь 金 (1115–1234) кодекс законов *Тайхэлюй* 泰和律 «Законы спокойного и мирного правления» (год издания — около 1202).

В 1271 году Хубилай-хан отменил действие *Тайхэлюй* на территории Китая, и вскоре в стране заработал новый юаньский кодекс; его сокращённое название — *Юаньдянь чжан* 元典章 «Установления Юань».

В эту же эпоху Юани выпускали и другие своды законов и правил, например: *Чжюань сингэ* 至元新格 «Новый кодекс правления Чжюань» (год издания — около 1271), *Да Юань тунчжи* 大元通制 «Система законов Великой [империи] Юань» (год издания — 1316), и последний кодекс Юаней — *Чжичжен тяогэ* 至正条格 «Законы истинного правления» (год издания — 1344).

Контакты и взаимное сосуществование двух разных культур и политических традиций проходили очень непросто. Сложное противостояние и попытки найти компромисс, что-то общее между китайским и монгольским мирами, между укладами жизни двух этносов, между культурой земледельцев и кочевников фактически не прекращались в течение всего юаньского периода.

Основной особенностью Юаньского законодательства стал принцип особых привилегий для правящей нации — монголов. Многое, что было запрещено ханьцам и прочим народам Поднебесной, было разрешено исключительно монголам.

Однако китайская культура, в начале периода Юань потерпевшая поражение, со временем стала восстанавливаться и значительно укрепила свои позиции. Весьма показателен факт открытия монгольских школ по китайской системе обучения и воспитание монгольских молодых людей на китайских классических книгах, переведённых на монгольский язык.

И далее мы наблюдаем нарастание конфуцианизации юаньских законов, т.е. их развитие в стиле конфуцианской идеологии. Новшества же, привнесённые монголами, долгое время стояли как бы особняком и являлись «особыми исключениями» в поле стандартных китайских правовых традиций. Но со временем они постепенно внедрились в китайскую юридическую мысль и практику и превратились в стандартные юридические положения для последующих китайских династий.

БЕНТ Мария Марковна

Легенда о Юсуфе и Зулейхе

в восточной и европейской литературных традициях (на примере поэмы Джамии «Юсуф и Зулейха» и романа Т. Манна «Иосиф и его братья»)

Легенда о Юсуфе и Зулейхе имеет множество разнообразных источников: о ней упоминается в священных книгах всех трёх авраамических религий. Кроме того, она опирается на средневековые легенды и толкования отдельных глав этих книг.

Так, в Коране 12-я сура целиком посвящена Юсуфу, но без упоминания имени Потифара или его жены. Однако именно там появляется эпизод, в котором соблазнительница угощает подруг, и те ранят себе ножами руки. В дальнейшем этот эпизод использует в своей поэме Джамии. Жена Потифара появляется и в 39 главе Ветхого Завета, однако имя *Зулейха* (Зулайхо, Зулейка, Селиха — «соблазнительница») встречается только в мидраше *Sefer ha Yashar*.

При обработке сюжета персидско-таджикский поэт-суфий Нуриддин Абдуррахман Джамии опирался не только на кораническую версию и на своего предшественника Фирдоуси, но и на «Комментарии суры “Юсуф”» Мухаммада Зайда Туси. Хотя в Коране соблазнительница никак не названа, толкователь Корана даёт ей имя и трактует сюжетные повороты, а все авторы более поздних переложений следуют за ним. Джамии стоит особняком среди восточных авторов, перелавших легенду о Юсуфе и Зулейхе. Основная причина заключается в его более пристальном внимании к фигуре самой соблазнительницы. Поэма Джамии в сюжетном плане более развита, обладает полнотой, изобилует поворотами и деталями.

Wan SUHAIMI Wan ABDULLAH

**Towards Establishing a Better Method
of Critical Edition and Preservation of Malay Manuscripts**

Manuscripts are among the most valuable artifacts which reflect the history and civilization of the nation, clear evidence of the nation's greatness. Although the nation's prosperity may decline with the time passing, artifacts and manuscripts of a certain period are always historically valuable and important, not only in their physical form but also in their intellectual and civilizational aspects. Moreover, any new, serious and thorough study of these manuscripts is essential for the development of proper historical and intellectual image of the nation, as well as for shaping a proper historical framework for the nation's future. Thus, these artifacts and manuscripts should be dealt properly to make them available for contemporary researchers and general public.

In the present paper we propose a better method of critical editing of the Malay manuscript texts, aiming also to preserve their original and historical aspects. As Malay Jawi manuscript is using Arabic letters, the critical edition of the text can be adapted from the established method in Arabic tradition. However, as the development of the Malay Jawi writing has undergone a number of changes, which in some cases has affected the writing system of the language, therefore it is crucial to preserve the original writing system of the oldest manuscripts. Thus, an additional stage in producing critical editions of the Malay Jawi text is proposed. In this paper we will give a brief outline of the importance of modern Malay manuscripts' studies, as well of the nature of Malay Jawi writing.

Перевод:

Ван СУХАЙМИ Ван АБДУЛЛАХ

**О выработке надлежащих методов
критического издания и сохранения малайских рукописей**

Рукопись — один из самых ценных артефактов, отражающих историю и культуру нации, свидетельство её величия. На протяжении истории величие нации может идти на убыль, но артефакты и рукописи некоего конкретного периода всегда исторически ценны и важны, — как их физическая форма, так и их содержание. Любое новое, серьёзное и добросовестное исследование этих артефактов и рукописей может способствовать правильной исторической и интеллектуальной интерпретации наследия нации, необходимой для выработки будущего плана нации.

Данный доклад посвящён малайской рукописи и предлагает усовершенствования в критические издания текстов, а также в сохранение оригинальных и исторических аспектов текста. Критические издания текстов малайских рукописей, использующих арабскую графику (*джави*), могут следовать методу, разработанному для арабской традиции. Однако, поскольку развитие письменности *джави* прошло ряд этапов, в ходе которых система написания претерпевала изменения, сохранение первоначальной системы письма рукописи другой эпохи имеет решающее значение. Поэтому в докладе предлагается некоторый дополнительный этап при подготовке критического издания малайского текста в графике *джави*, а также рассказывается о значении изучения малайских рукописей сегодня и об основных особенностях этой письменной традиции.

ГАНЕЕВА Лилия Дмитриевна

**«Хроника Чиангмая» и «Хроника Чиангсэна»:
сравнение исторических частей памятников**

1. «Хроника Чиангмая» и «Хроника Нгын Янг Чиангсэн» относятся к северо-тайским компилятивным текстам, исследуемые списки относятся к рубежу XIX–XX вв. и относятся к жанру *тамнан фай мыанг*.

2. «Хроника Чиангмая» является общей летописью государства Ланна, «Хроника Чиангсэна» — местная хроника одного из *мыангов*, входивших в состав Ланна.

3. «Хроника Чиангмая» состоит из вводной части, священной истории, легендарной части и собственно описания истории; «Хроника Чиангсэна» — из легендарной и исторической; имеется также часть в форме диалога.

4. Историческая часть — самый объёмный раздел в обоих текстах, охватывает период XIII–XIX вв. В «Хронике Чиангмая» он состоит из 3 нарративных частей, описывающих разные периоды истории Ланна, в «Хронике Чиангсэна» — из нарративной и диалоговой частей.

5. Тексты неоднородны по своему составу и включают в себя различные устойчивые элементы текста — «структурно-жанровые группы». Набор в целом одинаков, однако имеются и различия (количество и характер распределения датированных записей и другие).

6. События XIII в. подробно описаны в обоих текстах. Основными выступают 4 сюжета: конфликт и заключение союза между *мыангами* Пхаяо

и Чиангмаем, конфликт между Пхаяо и Сукхотхай, заключение союза между всеми тремя *мыангами*, основание Чиангмая.

7. Описание указанных событий в обоих текстах сходно, но расхождения в деталях явно подчёркивают происхождение текстов из разных *мыангов*.

ГОРДИЕНКО Елена Витальевна

**Повествования о вьетнамских духах-хранителях общин
(*тхантыть*) как исторический источник:
проблемы интерпретации**

Повествования о вьетнамских духах-хранителях общин (*тхантыть*, *thần tích*, 神蹟) — жанр храмовой литературы, сложившийся в XV–XVII вв. в виде преданий о духах как неотъемлемой части общинного культа, утверждавшегося повсеместно в Дайвьете, начиная со второй половины XV века.

Тхантыти содержат описание жизни или происхождения исторических и вымышленных персонажей, ставших покровителями общин — духов природы, небожителей и необычных людей, которым приписываются сверхъестественные свойства.

Особый интерес представляют биографии исторических лиц, существенно дополняющие сведения государственных летописей («Краткая история Вьета» и «Полное собрание исторических записок Дайвьета»). Нами были рассмотрены *тхантыти* о военачальнике Доан Тхыонге, боровшемся с родом Чан за восстановление власти династии Поздние Ли (начало XIII в.). Нам удалось установить происхождение Доан Тхыонга (из рода Ли, тогда как его жена происходила из рода Чан). Кроме того, *тхантыти* описывают образование Доан Тхыонга, его карьеру и роль в событиях, связанных со сменой власти в стране, обстоятельства его гибели. Также прояснилась дата смерти противника Доан Тхыонга — Нгуен Нона (1229 г.).

При должной критике текста, учитывающей жанровые особенности *тхантытей*, обращение к этому новому для отечественного вьетнамоведения жанру решает задачу расширения круга источников для исторических исследований.

ДЕНИСОВА Татьяна Анатольевна

**Коллекция документов шариатского суда Лингги (нач. XX в.):
структура собрания и методы исследования**

Коллекция документов шариатского суда Лингги (*Mahkamah Syariah Kerajaan Lingga*), хранящаяся в местном музее административного центра Даик (остров Лингга, совр. Индонезия) представляет собой собрание судебных вердиктов, касающихся разных видов торговых актов, финансовых обязательств и имущественных споров. В коллекции около 350 документов, написанных малайско-арабским письмом *джави* и относящихся к началу XX в. (1905–1908 гг.).

Данное собрание представляет особый научный интерес, поскольку ненарративные исторические источники, касающиеся экономической деятельности и судебно-правовой системы Малайско-индонезийского архипелага, редко становились предметом академического изучения. В российской малаистике это совершенно неисследованная область.

Между тем в российском источниковедении сложилась и существует блистательная традиция исследования подобных документов, прежде всего на материалах Средней Азии и Кавказа. Достаточно назвать такие имена, как В.В. Бартольд, И.П. Петрушевский, Е.А. Давидович, О.Д. Чехович и многие другие, чтобы представить высочайший уровень российских фундаментальных исследований в этой области.

Представляется интересным применить методы классического российского источниковедения для анализа малайских арабографических документов из представленной коллекции шариатского суда Риау-Лингга.

ЗАХАРОВ Антон Олегович

О русском переводе «Камасутры»

В докладе рассматриваются некоторые спорные отрывки русского перевода «Камасутры», сделанного А.Я. Сыркиным в 1960-е годы и опубликованного в 1993 г., и предлагается их новый перевод. В частности, анализируются фрагменты II.1.26 (6.26) — о различии в способах наслаждения у мужчин и женщин, VI.6.50 — о категориях продажных женщин, II.1.39–45 (7.1–7) — глава «О видах любви». Для сопоставления привлекаются английские переводы Ричарда Бёртона и Фостера Фитцджеральда

Арбатнота (1883), Алена Даньелу (1994), Венди Донигер и Судхира Какара (2002), Ларса Мартина Фосса (2012). В русском переводе А.Я. Сыркина в ряде случаев текст оригинала смягчён. Переводчик использовал для перевода и комментария прямые заимствования (*кумбхадаси*, *аупариштака*) либо западноевропейские понятия (лат. *coitus*, *peniserecti*). В этом отразилась свойственная советскому обществу жёсткая внешняя и внутренняя цензура на публичное распространение явно сексуальной информации.

ЗАХАРОВА Наталья Владимировна
Православные тексты в Китае в конце XIX в:
перевод или интерпретация?

Переводы богослужебных текстов на китайский язык выполнялись с начала XIX в. Самым старым катехизаторским трудом, составленным и переведённым членами миссии, считается «Краткий катехизис» о. Иакинфа (Бичурина, 1810 г.). Ещё несколько переводов относятся к 20-м годам XIX в. Это Евангелие от Матфея (1830 г.), переведённое иеромонахом Даниилом, и «Краткая Священная история», составленная архимандритом Петром в 1825 г.

Хотя вполне естественно предположить, что церковные тексты должны были быть в первую очередь переведены именно на китайский язык, первый перевод Нового Завета был осуществлён С.В. Липовцевым на маньчжурский язык (1808 г.).

Православные миссионеры, полагаясь на культурологические знания, накопленные за время существования миссии, при переводе христианских текстов в качестве образца брали лексические аналоги из конфуцианских памятников.

Из трёх вариантов языка перевода: классического письменного языка *вэньянь*, на котором были написаны конфуцианские канонические книги, постепенно получавшего распространение упрощённого классического языка, который отличался от *вэньяня* относительной простотой грамматических форм и употреблением разговорной лексики, и разговорного языка (*байхуа*) — был выбран упрощённый *вэньянь*.

ЗОРИН Александр Валерьевич

**Дэргэская редакция тибетского сборника *Сунгдуй*
и одноимённый раздел *Дэргэского Кагьюра***

Сборник *дхарани-сутр* и других заклинательных текстов *Сунгдуй*, составленный в первой трети XVII в. знаменитым тибетским автором Таранатхой и изданный в монастыре Тактэн (вероятно, после смерти Таранатхи), стал одним из самых популярных памятников тибетской, а также монгольской литературы. Он неоднократно печатался во многих центрах тибетско-монгольского буддизма, особая пекинская редакция готовилась и издавалась под патронажем китайских императоров династии Цин. Появлялись и различные вариации на основе сборника Таранатхи. Среди них особое место занимает Дэргэское издание, подготовленное в первой трети XVIII в. Цултим Ринченом, одним из основных редакторов *Дэргэского Кагьюра*, в котором имеется раздел, также носящий заглавие *Сунгдуй*. В своём докладе я рассмотрю основные особенности *Сунгдуя* в редакции Цултим Ринчена (основой послужит оглавление-*карчак*, сам сборник пока недоступен исследователям) и его отношение к одноимённому разделу *Дэргэского Кагьюра*.

ЛАХУТИ Лейла Гасемовна

**Красота и любовь в поэме Фарид ад-Дина 'Аттара
Илахи-наме (XII–XIII вв.)**

Красоте и любви, которую эта красота вызывает, посвящено немало строк в поэме персидского суфийского поэта Фарид ад-Дина 'Аттара. Они опровергают неоднократно звучащие утверждения исследователей о том, что 'Аттар не пользовался в своих произведениях средствами поэтической выразительности, но стремился лишь к простоте и ясности. Авторы средневековых поэтик не приводят его бейты в качестве иллюстрации поэтических тропов, да и сам 'Аттар не хотел, чтобы его считали профессиональным поэтом. Он постоянно подчёркивал, что главным в поэзии для него являются смыслы (*ма'ани*), а не поэтические украшения.

Однако многие фрагменты его поэм опровергают это мнение. Самый простой и очевидный пример тому — описания красоты персонажа и её воздействия на окружающий мир.

24 персонажа из 263 вставных рассказов поэмы — прекрасные отроки и прекрасные женщины. Среди них — три персонажа, чья красота не опи-

сывается, поскольку общеизвестна: это Йусуф (библ. Иосиф), Айаз, возлюбленный султана Махмуда Газневи, и единожды упоминаемая Зубайда, жена Харуна ар-Рашида. Йусуф может упоминаться как эталон красоты; Айазу придается эпитет «сребростанный», его красота, как и красота Зубайды, даётся через описание реакции окружающих — для Айаза это султан Махмуд и нищий торговец солью, для Зубайды — суфий, случайно увидевший её лицо и потерявший сознание. Представляя читателю остальных своих персонажей, 'Аттар использует богатый арсенал поэтических приёмов, игру прямыми и метафорическими значениями слов. Большое место занимает описание воздействия красоты героя или героини рассказа на окружающий мир — как на людей, так и на неодушевлённые предметы.

Таким образом, вопреки распространённому мнению и даже утверждению самого 'Аттара, его стихи говорят об искусном владении изысканными поэтическими приёмами и для своего понимания требуют знакомства с персидским поэтическим канонам.

МИКУЛЬСКИЙ Дмитрий Валентинович

Тарих ал-Джаза'ир ал-'амм 'Абд ар-Рахмана б. Мухаммада ал-Джилани (1908–2010): традиционность и новаторство в историческом сочинении XX в.

Один из видных алжирских улемов XX в. шейх ал-Джилани получил традиционное мусульманское образование сначала на родине, а затем в каирском университете ал-Азхар. Помимо того, шейх ал-Джилани многому научился, сотрудничая в алжирских газетах 1930-х гг.

Отпечаток и личности автора, и социокультурных условий его формирования несёт главное историческое сочинение шейха ал-Джилани *Тарих ал-Джаза'ир ал-'амм* — один из основных трудов по истории Алжира, написанных в XX в. В докладе рассматривается первая часть книги (по изданию 1980 г.), начинающаяся с повествования о географическом положении страны и её древней истории. Манера изложения материала в этом разделе книги несёт отпечаток влияния западной (французской) школы: в традиционной алжирской историографии не существовало никакой иной концепции древней истории страны, кроме легендарной.

Напротив, та часть тома, которая посвящена истории Алжира в мусульманскую эпоху, в значительной мере традиционна. Здесь автор, как и полагается арабо-мусульманскому историку, опирался на труды своих

арабских предшественников, сознательно, по всей видимости, избегая сочинений французских или иных западных коллег. В соответствии с традиционной манерой историописания, текст этой части труда делится на главы, посвящённые династиям, правившим на территории Алжира. Элементом новаторства следует считать таблицы важнейших исторических событий, случившихся в правление той или иной династии.

Таким образом, сочинение шейха ал-Джилани принадлежит к довольно широко распространённому типу арабских исторических сочинений XX в., где сквозь тонкий флёр модернизации явственно просматривается традиционная основа.

МУРТАЗИН Марат Фахрисламович

**Вопросы перевода коранической суры *Ал-Фатиха*
в свете толкования Корана *Тафсир ат-Табари***

К настоящему моменту существует целый ряд переводов текста Корана на русский язык, которые отражают основанную на языковом аспекте перевода **филологическую** трактовку переводчиками смыслов Священного писания. Но для понимания смыслов и интерпретации текста Корана не менее важное значение имеют сочинения в жанре *тафсир* — толкования Священного писания — в **религиозно-богословском** аспекте. Первым из полных *тафсиров* стало сочинение Табари (839-923) *Джами' ал-байан 'ан та'вил ай ал-Кур'ан*.

Перевод толкования первой суры Корана *Ал-Фатиха*, сделанный Табари в этом *тафсире*, даёт новый материал к пониманию смысла и перевода текста суры на русский язык. Прежде всего, в нём по-иному, нежели в современных русских переводах, происходит деление на айаты, поскольку знаменитый *муфассир* следовал мнению Абу Ханифы и Малика в этом вопросе.

Значительные отличия при переводе *Ал-Фатихи*, основанном на толковании Табари, проявляются и в переводе отдельных формул и слов — таких, как *басмала*, эпитеты Аллаха. Не менее важным являются особенности перевода глаголов, обозначающих столпы веры, религиозные обязанности и действия.

Анализ толкования *Ал-Фатихи*, сделанный Табари, показывает, что перевод на русский язык других сур Корана может быть рассмотрен в новом свете в соответствии с сочинением великого *муфассира* Табари.

Austin O'MALLEY

**Poet's Orders: Poetry and Text as Spiritual Medicine
in the Works of 'Aṭṭâr**

О'МЭЛЛИ Остин

**Поэт-целитель: поэзия и текст как духовное лекарство
в произведениях 'Аттара**

This talk explores the metaphorical representation of speech as medicine in 'Aṭṭâr's works in order to better understand how the poet and his imagined audiences conceived of the relationship between text, author, and reader. I overview several instances of this metaphor that imply that 'Aṭṭâr's homiletic speech not only transfers meaning, but also transforms its audiences, bringing them to the path of piety and elevating them ontologically towards God. I then show how 'Aṭṭâr's poetic persona performs sincerity, which authorizes him to dispense the verbal medicine of speech, and I suggest that the importance of the medicinal metaphor is partly responsible for 'Aṭṭâr's choice of pen-name. Finally, I show how this understanding of text as spiritually effective lends itself to disciplined practices of reading, and I trace how 'Aṭṭâr's works imagine the circumstances of their own reception in ritualistic terms.

ОСМАНОВА Милена Нуриевна

***И'лан* Мухаммад-Хусейна Асадова
из Темир-Хан-Шуры (Дагестан) как образец рекламы
книжной продукции начала XX в.**

Со второй половины XIX в. в Дагестане, кроме рукописей, распространялись и печатные книги на арабском, персидском, тюркских языках, большинство из которых было привезено из стран Востока — Турции, Египта, Сирии, Ирана, а также Поволжья.

Появление первых привозных печатных книг в значительной степени связано с именем Мухаммад-Хусейна Асадова, иранца по происхождению, жителя Темир-Хан-Шуры, столицы Дагестанской области. Информация о личности М.-Х. Асадова очень скудна: не известны ни дата его рождения, ни как он оказался в Дагестане, ни его судьба после Октябрьской революции. Будучи образованным для своего времени человеком и имея обширные связи с мусульманским миром, М.-Х. Асадов получал книги из Каира, Стамбула, Тегерана, Бахчисарая, Казани на арабском, персидском,

турецком и татарском языках. В сентябре 1907 года ему было разрешено открыть в Темир-Хан-Шуре книжный магазин «Иттихад», где и велась книжная торговля. О её размахе свидетельствует рекламный каталог *И'лан*, напечатанный литографским способом на арабском языке и датированный ориентировочно 1907–1908 г. (точная дата издания не указана). Это один из образцов рекламы книжной продукции, сохранившихся в Дагестане в очень небольшом количестве (в Фонде восточных рукописей Института ИАЭ ДНЦ РАН имеются ещё 3 подобных рекламных каталога, так называемые *Фихристы*, датируемые 1908, 1911, 1914 годами).

И'лан чрезвычайно интересен как источник, как образец книжной рекламы, а также как документ, дающий определённое представление о состоянии образования, науки, идеологии и культуры региона в целом. Список перечисленных здесь изданий очень обширен и явно предназначен для образованного читателя. Книги классифицированы по тематическому принципу: выделено 14 тем (в самом начале — *кутуб ан-нахв* и *кутуб ас-сарф*, т.е. синтаксис и морфология, в самом конце списка — турецкие книги). Общее количество книг, указанных в *И'лан* — 469. При более детальном рассмотрении видно, что деление книг по разделам является достаточно условным.

В мусульманском мире хорошо известны такого рода перечни книг, в том числе и *фихристы* (например, *Фихрист* Ибн ан-Надима (X век, Багдад), *Кашф аз-зунун* Хаджжи Халифы (XVII в., Турция), *Кашф ал-худжуб фи асма ал-кутуб* (XIX в., Бомбей), составленные, как правило, по историко-иерархическому принципу: т.е. науки классифицировались по степени их значимости в средневековом мусульманском обществе: Коран, *тафсир*, догматика, *фикх*, суфизм, грамматика, логика, риторика и т.д. В Дагестане также были свои *фихристы* или *сиджиллы* — перечни-описи рукописных собраний при мечетях, большинство из которых, к сожалению, не сохранились, а из сохранившихся *фихристов* самый ранний датируется XVIII веком.

И'лан Мухаммад-Хусейна Асадова несколько отличается от общепринятых книжных каталогов стран Востока: обычно во главе списков подобного рода всегда указывалась теологическая литература, М.-Х. Асадов же указывает *фикх*, *усул ад-дин* и *тафсир* в разделе под № 8 (всего разделов — 14). Можно предположить, что он руководствуется не общепринятой традицией, а в первую очередь спросом читателей, всегда охотно раскупавших грамматические пособия.

Тем не менее, рекламный каталог *И'лан* в достаточной мере отражает интерес дагестанцев к классической литературе на арабском, персидском и турецком языках, к сочинениям по мусульманскому праву ал-Махалли, ар-Рамли, Закарьи ал-Ансари, суфийским трудам ал-Газали и др.

Мухаммад-Хусейн Асадов ввёл важные новшества на книжном рынке Дагестана: он давал возможность приобрести книги по почте, причём они высылались при условии предоплаты четверти стоимости заказа; кроме того, при его посреднических услугах любой желающий мог за свой счёт напечатать книгу в типографиях Египта (эти виды услуг также указаны в каталоге *И'лан*).

Многообразие книжной продукции, привозимой М-Х. Асадовым в Дагестан, отражено и в другом рекламном каталоге магазина «Иттихад» — *Фихрист ал-кутуб*, датированным 1911 годом. Составленный в непривычном для дагестанского читателя алфавитном порядке, с указанием области науки, к которой относится данная книга, места её издания, а также цены в рублях и копейках, новый рекламный каталог представляет чрезвычайно широкую тематику книг, изданных в Стамбуле, Египте, Казани, Бахчисарае, Тегеране и даже Мекке. Здесь, помимо часто встречающихся названий, можно увидеть редкие наименования книг по медицине, астрономии и математике, что свидетельствует о растущем спросе на подобного рода литературу. Указание цены, которая становится фиксированной, а не отпускной, даёт возможность сравнить стоимость книг с другими товарами народного потребления.

Перевод с арабского языка рекламных книжных каталогов, напечатанных в Дагестане, их детальное изучение дают ценную информацию о некоторых аспектах интеллектуальной жизни дагестанского общества начала XX века.

РЕЙСНЕР Марина Львовна

**Из чего сделаны «Десять писем» Вис к Рамину
в поэме Фахр ад-дина Гургани**

В процессе генезиса ранних форм персидского романического эпоса, первые образцы которого появились в XI в., старые сюжеты разного происхождения насыщались содержательными элементами, прежде не характерными для эпической поэзии. Для арабских историй о влюблённых, которые стали основой ряда известных поэм, лирический компонент был абсолютно естественным в силу особенностей бытования 'узритской по-

вествовательной традиции. В ней рассказы о влюблённых были рамкой стихотворения, в которой передавались обстоятельства его сложения.

В исконно иранских сюжетах, к которым относится и повествовательная основа поэмы «Вис и Рамин», лирическая линия изначально, видимо, была развита слабо. Гургани работает над историей именно в направлении её романизации, внося в ткань повествования целые блоки мотивов лирического репертуара. Эти мотивы в наиболее концентрированном виде представлены в той главе поэмы, которая носит название «Десять писем». В них главная героиня отвечает в этих письмах на единственное письмо возлюбленного, в котором тот извещает её о разрыве и браке с другой женщиной.

В «Десяти письмах» можно проследить прямые переносы мотивов из газели, ибо Вис описывает свои чувства. Другой блок мотивов, который можно условно назвать «дидактикой любви», имеет параллели с тематикой классических арабских трактатов о любви, которые сформировались на базе канонических ситуаций 'узритской любовной лирики. Таким образом, внутри поэмы обнаруживается особым образом оформленный «трактат» о нормах любовного поведения, в основе которого лежала концепция индивидуальной любви. Сложившийся в арабской традиции кодекс любви получил в поэме Гургани специфическую иранскую интерпретацию, сильнейшим образом повлиявшую на дальнейшее развитие любовно-романических сюжетов. В них особую роль приобрела переписка влюблённых, которая со временем становится своего рода маркером жанра.

САИТБАТТАЛОВ Искандер Расулевич

**Стихотворение «Я дивана» М. Акмуллы:
опыт герменевтического толкования¹**

Башкирскую поэзию на письменном языке *тюрки*, создававшуюся во второй половине XIX века, принято разделять на два не пересекающихся направления: суфийскую, сохранявшую верность эстетическим идеалам и традициям, восходящим к средневековой литературной классике (Ахмад Ясави, Алишер Навои, Кул Али), и просветительскую. Произведения авто-

¹ Работа подготовлена при поддержке Совета по грантам Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских учёных — кандидатов наук (проект МК-6537.2015.6 «Язык Мухаммада-Али Чукури и башкирская культура в XIX веке»).

ров-просветителей, наиболее талантливый из которых признан поэт-странник М.К. Акмулла (1831–1895), активно издавались в советское и постсоветское время в переводах на современный башкирский язык и представляют собой важный аспект современной национальной культуры. Обращение к оригиналам на старотюркском языке, опубликованным до революции, позволяет по-новому взглянуть на творчество поэта и во многом пересмотреть представление об антиклерикальном пафосе его творчества.

Первый аспект проблемы — текстологический. В советское время при переводе на башкирский язык откровенно религиозные пассажи, содержащие упоминания мусульманской обрядности, Бога, пророка Мухаммада и др. были заменены: ср. совр. башк. *Төзөк акыл, итәғәт бер мыскал юк* «Нет ни мискаля ровного разума, повиновения» — в оригинале же *Намаздә лүб-мәғнә бер мыскал йук* «Нет ни мискаля разума и смысла в молитве». Таким образом, для понимания текста, адекватного вложенному автором содержанию, необходимо учитывать факт его редактирования при подготовке к публикации. При переводе на современный башкирский многие арабизмы и фарсизмы, составлявшие неотъемлемую часть старотюркской лексики и обладавшие терминологическим значением, были заменены близкими по смыслу исконными лексемами: ср. совр. башк. *Тәҫ-башыңа ғорурланған һин бер кышыр* «Ты хвастун, гордящийся своей внешностью», — в оригинале *Җаһиргә ғорурланған син бер кышыр* «Ты хвастун, гордящийся внешним». Восстановление арабских и персидских слов-терминов углубляет и сам текст, и его понимание.

Второй аспект — интертекстуальный. В стихотворении имеется прямая цитата 59-го аята суры *Йа-син* (в советском издании строфа с ней пропущена), а также стих: совр. башк. *Күкрәгең — катып калған таштан яман* «Твоя грудь хуже затвердевшего камня», отсылающий к аяту «Потом ожесточились ваши сердца и стали как камень и даже ещё жёстче» (2:74, пер. М.-Н. Османова). Стих *Башым хайран, эшем вайран, диуанамын* «Голова моя поражена, дела мои разрушены, я дивана» находит близкое соответствие со строкой из 12 хикмета Ахмада Ясави: *Özi hayran, köñli veyran, közi yaşluk* «Сам поражён, душа разрушена, глаза в слезах». Понимание стихотворения связано с пониманием и его интертекста.

Третий аспект — философский. Стихотворение в дореволюционных изданиях публиковалось в качестве эпилога (*хатима*) к «Посмертной оде Шихаб ад-Дину Марджани», в которой автор не только восхвалял новаторство казанского богослова, но и напряжённо размышлял о соотноше-

нии внешних атрибутов религиозности (сухая наука) с нравственной чистотой и подлинным чувством (вино из стакана любви). Ключевыми для понимания всего текста нам представляются строки в начале стихотворения: ориг. *Иң әүүәл тулуб йатур синең “минем”, // Ник кирәк сәмарәсез коро белем?* «Прежде всего наполняется твоё “я”. // Зачем нужно бесплодное сухое знание?»

Нарочито самоуничижительное по тону продолжение стихотворения живописует беды, которое несёт такое «сухое знание»: превращение личности в «быка, погоняемого *нафсом*», утрата авторитета среди окружающих и надежды в ином мире. Стихотворение задаёт автору те же вопросы, что он ранее адресовал читателю, словно реализуя слова великого мистика Абу Язида аль-Бистами: «Его спросили: “Когда человек становится [истинно] покорным Богу?” Он ответил: “Если человек не находит для себя *макама*, *халя* и не видит из творений Божьих того, кто был бы хуже его”».

Название «Я дивана» было дано стихотворению при его публикации в 1981 году. В современном башкирском языке слово *диуана* означает «сумасшедший, юродивый». Поэт, как нам представляется, не мог не знать, что в представлении Ахмада Ясави *Muhabbetni câmin içib raks eylegen // Divâneliğ makâmığa kirdi dostlar* «Танцующие, испив чашу любви, // Достигли стоянки юродства, друзья», а сам классик о себе писал: *Zikrin tamâm kılıp öttüm divâneğe* «Завершив *зикр*, я стал *дивана*». М. Акмулла, который, подобно великому тюркскому мистику, жил и творил среди кочевников к северу от Сырдарьи, мог таким образом уподоблять себя ему, а в стихотворении описывать состояние *дивана* как одну из стоянок на суфийском пути.

ТОРОПЫГИНА Мария Владимировна

Поэт Куронуси в оценке Ки-но Цураюки (866–945) и пьесах театра Но: ожившие метафоры

В начале X века в Японии появилась первая «императорская» поэтическая антология. Предисловие к этой антологии, написанное Ки-но Цураюки, стало самым цитируемым поэтологическим текстом. В предисловии Цураюки сжато охарактеризовал творчество шести поэтов второй половины IX в., среди этих шести — поэт Отомо-но Куронуси. Оценка Куронуси весьма критическая, его стихотворения Цураюки уподобляет жителю гор, что с вязанкой дров за плечами присел отдохнуть под тенью цветущей вишни. В пьесе *Сига* эта метафора «оживает». В другой пьесе —

Сосиараи Комати «Комати моет рукопись» — Куронуси обвиняет поэтессу Комати в плагиате. Герои обмениваются репликами, которые основаны на предисловии Цураюки.

ТЮЛИНА Елена Валерьевна

Лес в «Сказании о Савитри»

«Сказание о Савитри» — одно из самых красивых и любимых эпических произведений древней Индии. Наиболее известным является вариант «Сказания о Савитри», который мы находим в III книге *Махабхараты* (Мбх III 294-300), памятника сер. I тыс. до н.э. По преданию, Савитри отправилась в мир мёртвых вслед за умершим мужем Сатьяваном, которого уносил в свой мир царь мёртвых Яма. Она победила Яму в словесном поединке и спасла своего мужа от смерти. Этот сюжет является отголоском древнего мифа, встречающегося у многих народов, повествующем о попадании героини в потусторонний мир и спасающей либо мужа, либо брата. В *Матсья-пуране*, средневековом эпическом памятнике, среди других пересказов древних эпосов *Махабхараты* и *Рамаяны* есть и пересказ «Сказания о Савитри» (МП 208-213), что даёт возможность сравнить оба варианта и увидеть, насколько изменилось восприятие этого мифа.

В древнем варианте сказания особую роль играет лес; эта роль predetermined тем, что сказание входит в третью книгу «Махабхараты», в так называемую *Араньяку*, т.е. «Лесную книгу». В ней описывается двенадцатилетний период, который Пандавы (пять сыновей Панду) провели в лесу, проиграв царство Кауравам в ритуальной игре в кости и удалившись в тринадцатилетнее изгнание.

И в основном сюжете, описывающем изгнание Пандавов, и в «Сказании о Савитри» лес — это основное поле странствий, приключений и превращений. Мало того, лес оказался связанным с представлением о самом важном пути — о жизненном пути. С одной стороны, это место причудливых проявлений судьбы, с другой — это место, где можно на неё повлиять и изменить, принеся необходимые жертвы и исполнив тяжёлые обеты. Именно в лесу Савитри находит своего жениха Сатьявана, после замужества остаётся в лесной обители, где находится в изгнании его ослепший отец. Когда наступает время смерти мужа, Савитри вместе с ним отправляется в лес и спасает его.

Важно, что лес предстаёт как некое, можно сказать, суровое место, где присутствует элемент страдания, горя, лишения. И в сюжете, посвящённом Пандавам, и в сказании о Савитри лес — это, прежде всего, место из-

гнания героев. Кроме того, именно в лес уходит умирать Сатьяван, муж Савитри. В лес приходит за ним царь мёртвых Яма и уносит в мир мёртвых. Т.е. путь смерти также пролегает в лесу, что видно по контексту.

Связь представлений о судьбе, пути и страданиях — это проявление характерных для *Махабхараты* размышлений об особенностях сансарического бытия человека, его долге и обязанностях. Интересно, что в этом памятнике они оказались спроецированными именно на образ леса.

В древнем варианте сказании нет никаких описаний леса, природы, животных. Здесь лес только постоянно упоминается и является предполагаемым фоном для описания всего происходящего.

В средневековом же варианте и в отношении к лесу, и в трактовке сюжета о Савитри происходят разительные перемены. Повествование о Савитри сокращается до минимума, но зато появляется целая глава, по объёму соразмерная со всем сказанием. В ней подробнейшим образом описан пленительный весенний лес, полный прекрасных ароматов. Это описание соответствует моменту, когда в день ожидаемой смерти Сатьяван вместе с Савитри отправляется в лес за цветами и плодами для жертвенных подношений. Они идут по лесу, Сатьяван показывает любимой растения, птиц и животных, мимо которых они проходят, и рассказывает о них. В основном это цветущие деревья и любовные пары зверей и птиц. Таким образом, в средневековом варианте сказания сюжет о Савитри утрачивает свои древние мифологические корни и воспринимается как история любви Савитри и Сатьявана. Именно сила любви оказывается в этом варианте сильнее смерти.

Подробное описание любовного томления весеннего леса является любопытным примером использования в средневековой эпической традиции приемов придворной, профессиональной поэзии.

УЛЬЯНОВ Марк Юрьевич

**Об одной важной особенности прикрепления «повествований»
и «нарративов» Цзочжуань («Комментарий Цзо [Цюмина]»)
к хронике Чуньцю («Весны и Осени»)**

Доклад посвящён выявлению и описанию особенностей структуры текста *Чуньцю Цзочжуань* («Комментария Цзо к Чуньцю») — уникального памятника, который, хотя и считается комментарием к произведению хроникального характера, включённого в конфуцианский канон, тем не менее остаётся важнейшим источником по истории периода Чуньцю (771–453 гг. до н.э.). Рассмотрены количественные характеристики реа-

лизаций основных элементов структуры его текста (всех восьми «структурно-жанровых групп») в первых пяти главах (из 12) памятника, переведённых на русский язык. Установлено, что для памятника характерно значительное преобладание элементов, связанных с историописанием (фрагментов хроник, кратких исторических сообщений, исторических повествований и диалогов), над элементами, связанными с канонованием как таковым (комментарий, раскрывающий идеи конфуцианства, дидактический вывод учителя-каноноведа и т.п.).

Это позволило поставить вопрос о связи текста памятника с традицией историописания периода Чжаньго (453–221 гг. до н.э.) и показать, что дальнейший анализ *Цзочжуань* (вместе с анализом других письменных источников) позволит получить новые данные о ходе процесса летописания — увидеть, как осуществляется переход от первичной фиксации событий (первый этап историописания: ведение «анналов» и составление «хроник») к их концептуальному осмыслению и описанию на этапе складывания первичных (естественных) «летописей» в период до уничтожения царств в 221 г. до н.э. и создания империи Цинь (221–209 г. до н.э.) и, соответственно, пресечения этого процесса.

ФЕДОРОВА Юлия Евгеньевна

Иносказание как способ философствования (на материале сочинений Фарид ад-Дина 'Аттара и Ибн Сины)

В пространстве исламской культуры исторически сложились две формы бытования философского знания: собственно философская и литературная, представленная поэтическими и прозаическими сочинениями. В связи с этим в докладе в качестве исследовательского материала будут представлены сочинения двух персидских авторов — «Трактат о птицах» или «Послание о птицах» (*Рисалат ат-тайр*) крупного философа Абу 'Али Ибн Сины (980–1037) и *маснави* «Язык птиц» (*Мантик ат-тайр*) прославленного поэта и одного из ведущих представителей персидского философского суфизма Фарид ад-Дина 'Аттара (1145/46 – ок. 1221). Хотя 'Аттар и Ибн Сина избрали аллегорическую форму для изложения своих философских идей, это обстоятельство всё же не создаёт принципиальных трудностей для понимания замысла обоих авторов — 'Аттар стремился показать путь души человеческой к Богу, т.е. суфийский способ богопознания, а Ибн Сина — описать собственный духовный опыт и иррациональный способ познания истины.

Основное внимание предполагается сосредоточить на сопоставительном анализе нескольких ключевых эпизодов *Рисалат ат-тайр* и *Мантик ат-тайр*: это, прежде всего, введения к притче и поэме, затем история путешествия птиц к Царю через восемь гор у Ибн Сины и семь долин у 'Аттара, и, наконец, описание встречи птиц и Царя (у 'Аттара — царя-Симурга). Планируется показать, каким образом схожий сюжет о путешествии души-птицы к Богу реализуется философом в небольшой притче и поэтом в крупной поэме-*маснави*, а также эксплицировать ключевые темы и понятия суфийской теории и практики, к которым отсылают отдельные сюжетные элементы притчи и поэмы.

ЧАЛИСОВА Наталья Юрьевна

«Что в имени тебе моём?»:

***тахаллус* персидского поэта как проблема перевода**

С начала классической эпохи (IX в.) персидскому автору, вступающему в цех профессиональных литераторов, полагалось выбрать себе литературный псевдоним — *тахаллус*. Арабское слово *taxalluṣ* означает «освобождение, избавление от чего-либо»; среди поэтических приёмов так первоначально называли приём изящного «освобождения от вступления» и перехода к основной, панегирической части *касыды*. В такой переходной строке поэт сопрягал тему вступления, например, любовь к кумиру, и тему восхваления, при этом нередко вставлял и собственное имя, обращая к себе по модели: «О такой-то, поищи защиты от проказ луноликого // У Столпа веры и Оплота государства. Такого, чьи деяния ...» (далее — бейты, восхваляющие адресата *касыды*). Со времени появления самостоятельной жанровой формой *газели* в число правил её оформления постепенно вошло включение имени автора в последний, «подписной» бейт. Создатели больших поэм (*маснави*) также непременно находили способ ввести своё имя в текст — в интродукции или лирическом отступлении. В условиях профессиональной поэзии, служащей источником заработка, такая практика прежде всего служила способом удостоверения авторства, стихи снабжались авторским клеймом. Однако этот обычай стал и поводом для возникновения игры с собственным именем, которая вошла в традиционную топику поэтической рефлексии.

В докладе речь пойдёт о поэтах, вошедших в мировой пантеон — Фирдоуси (ум. 1020), 'Аттаре (ум. ок. 1221) и Хафизе (ум. 1389). Их стихи переведены на многие языки, а литературные имена известны далеко за пределами Ирана. Однако поэтические игры классиков со своими именами зачастую скрыты внутри традиции и остаются в области непереверждённого.

ЧЕСНОКОВА Наталия Алексеевна

**Попытка реконструкции ритуала создания
литературного памятника «Описание избранных деревень»
(Тхэнниджи, 1751 г.)**

XVIII век в корейской истории — время значительных изменений в культурной и научной сферах жизни. С проникновением в Корею европейских представлений о мире как земном шаре, о других странах, лежащих «по ту сторону» известного пространства, большинство корейских интеллектуалов стремились использовать эти новые знания в своих трудах. Наше же исследование посвящено «Описанию избранных деревень» 擇里志 (Тхэнниджи, 1751 г.), которое, по нашему мнению, напротив, сохраняет и передаёт традицию.

Сочинение повествует о восьми провинциях, входивших на тот момент в средневековое корейское государство Чосон 朝鮮 (1392–1910), их истории, культуре, географии, выдающихся людей. Автор произведения — Ли Джунхван 李重煥 (1690–1756?), опальный чиновник, проведший 30 лет в странствованиях по родной стране. Настоящее исследование опирается на сохранившийся комментарий Ли Джунхвана к одной из обнаруженных рукописей. Нами были осуществлены перевод и интерпретация комментария.

Ли Джунхван сообщает читателю, что идея «Описания избранных деревень» пришла к нему в жаркий летний день, когда, устав, он отдыхал в павильоне «Восьми триграмм». Также он вспоминает маршрут, по которому прошёл до того, как поднялся в павильон. Этот небольшой по размеру эпизод изобилует подробностями, и, обратившись к исследованиям о реконструкции ритуала в древней корейской литературе, проведённым М.И. Никитиной (1930–1999), мы обнаружили значительное совпадение между комментарием Ли Джунхвана и рамке к хянга «Старик преподносит цветы». Соответственно, можно сделать вывод о том, что сочинение «Описание избранных деревень» также относится к ритуальным.

В докладе планируется рассмотреть комментарий Ли Джунхвана и соотнести его с рамкой к хянга «Старик преподносит цветы».

— 0 —

Примечание. Тезисы доклада А.С. Десницкого (ИВ РАН), также подавшего заявку на участие и включённого в Программу, не получены Оргкомитетом к началу работы конференции.